

Поздняя осень — пора обманчивая. Знатным господам, кутающимся в парчовые одежды и меха, любой ветер нипочем — гуляют себе в усладу. А в заброшенных храмах тем временем коченеют нищие, которым и укрыться-то негде. Лежат бездыханные, пока не набегут бродячие псы.

Из боковой двери в глубине глухого переулочка вылетела бесформенная темная тень. Не присмотришься — решишь, что выбросили старый тряпичный мешок, настолько изорвана была на нем одежда.

— Твари сутулые! До утра подождать не могли?! — парень вскочил на ноги и бросился назад, намериваясь вкатить хорошего пинка высокомерному слуге.

Створка захлопнулась с тяжелым стуком прямо перед его носом. В ноздрях мгновенно потеплело, и по ложбинке над верхней губой побежали две яркие струйки крови.

Мао Сяофэй разразился отборной бранью. Он пинал узкую, в одного человека шириной, дверь, но та оставалась недвижима, безучастно подставив под его удары свою глухую деревянную морду.

Он шумно выдохнул.

До чего же холодный город, этот Шаннань. Облачко белого пара поднялось в морозный воздух — снег в этом году еще не выпадал — и медленно растаяло.

Постояв немного, он со вздохом согнулся и принялся собирать раскиданные пожитки. Добра было с гулькинос. Среди прочего на земле лежала заколка из зеленой яшмы, разломанная пополам. Мао Сяофэй увязал все в лопнувший холщовый лоскут. Яшмовая заколка, яркая и чистая, сразу бросилась ему в глаза, но он упорно отводил взор.

Спина затекла и нестерпимо ныла.

Выпрямившись, он отер со лба пот.

Всего двадцать шестой год пошел парню, а скрипит, как столетний дед. Не зря говорят, что до седин доживают лишь единицы. На лоб упала холодная капля. Смутное воспоминание заставило его вновь согнуться. Под тусклым светом двух качающихся на ветру бумажных фонарей его сгорбленный силуэт казался хрупким и зыбким.

Он наконец коснулся яшмы холодными пальцами.

«Ладно, пускай сломана, хоть за сколько-то сдать можно, — подумал он. — Все копейка в кармане».

Жаль только, что сытая да богатая жизнь закончилась так быстро. Даже если это был всего лишь сон, проснулся он чертовски рано.

Острый скол безжалостно вонзился в огрубевшую, покрытую мозолями ладонь. Мао Сяофэй даже не поморщился — привык к боли. Спрятав обломки заколки, он быстро зашагал прочь.

А на набережной, на самой оживленной улице Шаннаня, жизнь была ключом. И никакой холод не мог остудить пыл благородных господ, согретых объятиями местных красавиц.

— Пейте! Живем один раз! — грохотал пьяный голос. — Сегодня гуляем, я плачу! Эй, Сань-эр, дуй на улицу и объяви: все вино в Павильоне Весенней Груши за мой счет!

Посыльный — молодой, надутый от важности слуга — тут же выскочил исполнять приказ.

На невысокой кушетке вальяжно развалился мужчина. Из-под полы его дорогого халата бесстыдно высовывалась голая нога. Закинув голову и вытянув шею, он лил вино из кувшина прямо себе в рот.

— Что же вы, господин, пьете в одиночку? Не зовете меня, у меня аж сердце кровью обливается, — раздался капризный девичий голосок.

Князь лениво протянул руку, сгреб девицу в охапку и вместо холодного горлышка кувшина припал к ее теплым, податливым губам.

Вся эта кутерьма закрутилась несколько дней назад, и в Шаннане о ней не судачил только ленивый. А если рассказывать с самого начала, то начинать надо с конца прошлого года, когда южное варварское племя Цинси прислало своего принца с требованием союза и брака. Принц этот пожелал взять в жены не кого-нибудь, а самого князя Аньяна.

Дело, в общем-то, обычное для политики, кабы не одно «но»: князь Аньян, звавшийся Янь Нинжуном, цзы Цымао, был мужчиной. Причем единственным наследником славного рода, чьи предки получили титул князей иного рода из рук самого основателя Страны Верхней Ци. С тех пор сменилось девять поколений, и Янь Нинжун остался последним мужчиной в семье. Бабушка души в нем не чаяла.

В Шаннане молодой князь привык ходить гоголем, и управы на него не было. Все знали: на этом избалованном юнце великое счастье рода Янь и закончится. А все потому, что женщин он на дух не переносил. Любовники у него менялись один за другим. Старая княгиня и била его, и проклинала, и даже на коленях умоляла императора сослать парня на границу в армию. Ссылка продлилась пять лет. Молодой господин Янь вернулся лишь слегка загорелым, но нрава своего не исправил. Напротив, он въехал в город, обнимая тринадцатилетнего конюха, и

во всеуслышание заявил, что собирается делить с ним постель до конца своих дней.

Три года назад в императорском дворце разразился жуткий скандал. Однако император, души не чаявший в Янь Нинжуне, рассудил по-своему. Он издал указ: мол, мужчина и женщина сотворены небом и землей в равной гармонии, а значит, коль дозволено жениться мужчине на женщине, то и двум мужам сочетаться браком не возбраняется.

Так позорная сплетня превратилась в закон, открыв дорогу мужским бракам в Стране Верхней Ци.

Янь Нинжуна, который как раз отбывал полумесячное наказание в родовом храме без права на плотские утехы, указ освободил. Все ждали, что он тут же притащит своего суженого в дом. Но прошел год, полгорода уже переженилось на своих дружках, а в поместье князя Аньяна царила тишина.

А потом конюх попытался уехать из города с огромным узлом. Стражники на воротах узел отобрали и обомлели: внутри лежала золотая статуя Будды в половину человеческого роста.

— Да это же парень князя Аньяна! — ахнул один из стражников. — Тот самый, которого князь катал на лошади...

Толпа тут же загомонила. Конюх, паренек лет четырнадцати, стоял красный как рак и беззвучно глотал слезы.

Вскоре вернулся посланный в поместье слуга и лениво процедил:

— Его Светлость передал: раз уволок, пускай забирает. Будет ему платой за труды.

Парень ушел, ведя под уздцы старую клячу, на спине которой покачивался тяжелый золотой Будда.

Старый стражник, пуская кольца дыма из трубки, только покачал головой:

— Ну и дела... Молодежь нынче пошла...

Люди шептались, что император просто ждет, когда род Янь угаснет сам по себе. Янь Нинжун был единственным сыном погибшего на войне генерала.

Спасти положение могло лишь чудо — если бы князь к двадцати годам вдруг одумался и взглянул на женщин. Но тут из Цинси прибыл седьмой принц, Дунмэнь Юэ, гроза южных земель. Он прямо заявил, что желает взять князя Аньяна в мужа и увезти на юг.

Тут уж род Янь забил тревогу. Да лучше пусть он женится хоть на собаке здесь, в Стране Верхней Ци, чем поедет к южным дикарям в роли наложника!

И среди сотен кандидатов Янь Нинжун выбрал самого неприметного человека.

Этим человеком оказался Мао Сяофэй — простой поваренок из княжеской кухни.

А ведь еще три дня назад Мао Сяофэй расхаживал в роскошных одеждах мужа князя. Перед самым обедом он лениво попивал чай в зале, пока управляющий робким, тише комариного писка, голосом напоминал ему о приличиях.

Мао Сяофэй лишь отмахивался. Ближе к вечеру прибежал запыхавшийся слуга, которого посылали разузнать о делах Янь Нинжуна. Рухнув на колени, он доложил:

— Достопочтенный муж князя! Его Светлость изволит обедать на стороне. Просил вас не ждать!

В городе Мао Сяофэя за глаза звали «ванфу» — мужем князя, ведь язык не поворачивался назвать этого неотесанного детину «ванфэй», то есть княгиней-консортом. Но управляющий помещьем твердо стоял на своем. Раз уж сыграли свадьбу по всем правилам, раз поклонились предкам и присягнули императору, получив от него книгу «Добродетель наложницы», то и величать его следовало не иначе как «ванфэй» — княгиней-консортом.

Самим Мао Сяофэем было все равно — хоть горшком назови. Он с самого первого дня знал, чем все закончится.

В тот же день после обеда, когда он по обыкновению прилег вздремнуть в саду под раскидистым деревом, его бесцеремонно растолкали. Не успел он открыть рот, чтобы обругать слуг, как ему в руки сунули разводное письмо.

Все произошло так же нелепо, как и его женитьба. Его словно глупого барана дважды обвели вокруг пальца, и это предательство выжгло в душе Мао Сяофэя последние остатки гордости.

И вот теперь он здесь.

Пройдя через лабиринт грязных переулков, Мао Сяофэй наконец отыскал покосившуюся изгородь. Южная окраина Шаннаня тонула в темноте, дома здесь стояли тесно, и все окна уже давно погасли. Если бы не высохший панцирь черепахи, который он сам когда-то повесил на колышек у ворот, он бы ни за что не нашел нужную лачугу.

Мао Сяофэй лениво щелкнул по панцирю пальцем. Тот завертелся, стукнулся об изгородь и треснул пополам.

— Батя! — негромко позвал он.

В доме зажгли лучину. Мао Сяофэй замолчал, поджидая.

Через минуту дверь со скрипом приоткрылась, и в щели показалось заросшее щетиной, темное лицо приёмного отца. Тот долго и недоверчиво оглядывал приёмного сына с ног до головы, словно прикидывая, много ли грязи тот принесет на подошвах в дом.

В темных сенях появилась женщина. Накинув на плечи легкий халат поверх исподнего, она лениво прислонилась к косяку.

— А ну оденься по-человечески! Срамота какая! — прикрикнул на нее муж.

Женщина лишь усмехнулась, покачивая бедрами. Подойдя к столу, она небрежно запахла полы халата, прикрывая грудь, сполоснула пиалу и налила себе чаю. Сделав глоток, она наполнила ту же пиалу до краев и пододвинула ее к здоровяку.

Раздражение хозяина дома тут же утихло. Он шумно прихлебнул горячий напиток, сменяя гнев на милость.

— Мы знали, что ты вернешься, только не думали, что так скоро, — проворчал приёмный отец.
— Да уж, не ожидал я, что из Поместья князя Анъяна бывшую жену погонят в таком рванье.

— И то верно, — мачеха ядовито прищурилась. — Нынче жён просто так не выгоняют. Даже если до суда дойдет, коли за тобой вины нет, бывший супруг обязан отвалить кучу серебра. Сынок, признавайся, небось припас в узелке кругленькую сумму в векселях? На дворе дождь собирается, промокнет бумага-то. Давай сюда, я приберу, высушу аккуратно, чтобы в лавках не придрались. Мать о тебе позаботится.

С этими словами она потянулась к узелку, который Мао Сяофэй положил на сундук у входа. Ее притворно-ласковый голосок оборвался на полуслове.

Мао Сяофэй, только собиравшийся сделать глоток, замер с пиалой у рта. Поняв, что дело дрянь, он поспешно сглотнул холодный чай и зашелся в лающем кашле.

— Ах ты, паршивец! — взвизгнула баба, развязав узел и обнаружив там лишь тряпки да сломанную дешевку. — Пошел вон! И не надейся здесь развалиться на мягкой постели! «Матушка», «батюшка» — ишь как пел сладко! Сразу видать — не родная кровь. Приперся денег просить?! А ну проваливай! Ищи другое место, чтобы сдохнуть да переродиться в богатом доме, раз уж так хочется в шелках ходить. Мы люди простые, свиней бьем да мясо

продаем, кормить нахлебников нам не с руки!

Дверь с грохотом захлопнулась прямо перед его носом, оставив лишь узкую щель, из которой вылетело последнее, сочащееся ядом ругательство:

— Тоже мне... Кня-ги-ня-кон-сорт!

Мао Сяофэй не ел с самого утра. Живот сводило от голода. Кое-как поднявшись на ноги, он отряхнул от налипшей грязи подол старого холщового халата.

«Переночую под навесом, — подумал он. — В первый раз, что ли?»

В детстве его частенько выставляли спать на улицу.

Но едва он прислонился к стене и начал погружаться в сон, как дверь приоткрылась, и на него выплеснули ушат кипятка. От неожиданности и острой боли Мао Сяофэй вскрикнул, а когда пришел в себя, засов на двери уже глухо звякнул.

Только теперь до него дошел истинный смысл слов, которые год назад обронил Янь Нинжун:

«Круглый сирота, без отца и матери...»

И угодливое, приторное «Так точно, Ваша Светлость» из уст управляющего тоже обрело смысл. Они знали всё с самого начала. Знали, что идти ему некуда, и заступиться за него некому.

Он поднялся. Достал из кармана разломанную надвое заколку. Глупо цепляться за прошлое. Они с князем изначально были из разных миров. К чему теперь эти бесплодные надежды? Неужто он всерьез поверил, что рожден быть Княгиней-консорт?

В тишине ночи слезы катились по его щекам, смешиваясь с каплями дождя. Но на душе вдруг стало на удивление легко, точно после хорошей взбучки. Мао Сяофэй коснулся языком онемевшей от холода щеки и зашагал на запад города. Там, на окраинах, еще работали ночные постоянные дворы, где можно было согреться миской наваристого супа с бараньей требухой.

С тех самых пор, как он продал себя в рабство на княжескую кухню, за душой у него не было ни гроша. Ничего нового не случилось. Он просто снова разулся, а старые мозоли никуда не делись.

Мао Сяофэй стянул стоптанные башмаки, взял их в руку и уверенно зашагал босиком по сырой земле. Так идти было куда быстрее и надежнее.

<http://bllate.org/book/18429/1765920>